

H₂O и воды забвения

Иван Иллич

1985

Известно, что в течение последних 70 лет часть жителей Далласа требует устроить посреди города озеро. Горожане надеются, что водами этого озера будут питаться финансы и фантазия, торговля и здоровье. Особая комиссия исследует вопрос, осуществимо ли устройство подобного искусственного водоема в городской черте. В эти исследования Далласский институт гуманитарных наук и культуры хотел бы внести и свой вклад: нам предстоит обдумать взаимосвязь Воды и Сновидений - постольку, поскольку эта связь участвует в том, "чем города живы". Сны всегда формировали города, а города навевали сны, вода же служила живительной силой как для городов, так и для снов. Я не думаю, что еще осталась та вода, которая могла бы связать город со снами. Индустриальное общество превратило H₂O в такую субстанцию, с которой архетипическая водная стихия уже не способна образовать смесь. Соответственно, моя лекция разделена на две части. Первая посвящена сновидческим водам Леты, вторая - истории смывного бачка. В заключение я вернусь к исходному вопросу - способно ли воображение выжить среди рукотворных вещей, утративших способность отражать бездонные воды сновидений и грез.

В эпоху барокко князь немецкого города Касселя окружил свой замок английскими садами, умевшими разговаривать воду до самого ее дна. Вода не только открывалась зрению и осязанию - она говорила и пела на семнадцать разных ладов. Так и воды снов: они бормочут, разливаются, журчат, режут, сочатся, плещут, текут - они вас омывают и могут унести прочь. Они падают дождем сверху и колодезной водой поднимаются с глубины; могут окропить, могут вымочить насквозь. Из всех чудодейственных способностей воды я выбрал ее способность очищать: способность Леты смывать воспоминания и способность H₂O смывать нечистоты.

Сны производят катарсис, иначе говоря - очищают, а вода сновидений может очищать несколькими способами. Окропление святой - очистительной - водой устраняет скверну: эта вода избавляет от проклятия, возвращает чистоту оскверненному месту, возливается на руки, голову или ноги, чтобы смыть нечистоту, вину, кровь. Но есть и другой катарсис, на который способны только воды Леты: воды Леты избавляют того, кто их пересекает, от воспоминаний и дарит забвение. Поскольку у меня всего тридцать минут, я ограничусь катарсисом Леты. Тем самым вопрос о планируемом городском озере резко сужается: может ли духовная река забвения, впадающая в

социальный водоем памяти, отразиться в очищенном дезинфектанте, который течет через счетчики, стоки, трубы и вливается в открытый городской бассейн? Утолит ли ребяческие сны города о "забвенье и покое" жидкость, текущая из кранов, душей и туалетов? Могут ли очищенные сточные воды "циркулировать" по фонтанам или озерам, отражающим сны?

Очистительные воды Леты *текут*; они не *циркулируют* подобно крови, деньгам и сточным водам, пропитавшим социальное воображение ранней индустриальной эпохи. В 1616 году Уильям Гарвей сообщил Лондонскому колледжу врачей, что кровь циркулирует по человеческому телу. Лишь через столетие идея Гарвея вошла в практическую медицину. Еще в 1750 году Иоганн Пелагиус Шторх, авторитетный создатель восьмитомного курса гинекологии, отказывался признать универсальность теории Гарвея. Он допускал, что у англичан кровь течет по телу и вымывает отходы жизнедеятельности; но у его пациенток, жительниц Нижней Саксонии, течение крови подчинялось не циркуляции, а приливам и отливам. Шторх понимал то, что пытаемся сейчас понять мы, - представление о крови как о циркулирующем агенте требует социальной перестройки тела. Трепетную и насыщенную символами плоть традиции предстояло превратить в функциональную систему фильтров и трубок. К концу XVIII века теория Гарвея получила в медицине всеобщее признание. Концепция интенсивной циркуляции крови как первопричины здоровья соответствовала пониманию денежной циркуляции как первопричины богатства у меркантилистов - прямых предшественников Адама Смита.

В середине XIX века несколько британских архитекторов начали говорить о Лондоне в рамках этой же парадигмы и регулярно признавали свой долг "бессмертному Гарвею". Они понимали город как социальный организм, по которому должна непрерывно циркулировать вода, ежесекундно вымывая из него грязь. Вода должна непрерывно вливаться в город, чтобы вымывать оттуда пот и нечистоты. Чем интенсивнее этот поток, чем меньше резервуаров, питающих "самозарождающуюся заразу", тем здоровее будет город. Если бы вода не втекала постоянно в город и постоянно его не покидала бы по акведукам, то такой, созданный в воображении, город непременно загнил бы. Подобно тому, как Гарвей создал нечто прежде непредставимое - а именно, кровь как агента циркуляции и тем самым тело современной медицины, так и Чэдвик и Уорд и их коллеги, создав канализацию, изобрели город в качестве места, постоянно нуждающегося в очистке. С тех пор город - подобно телу и экономике - будет постоянно изображаться как система труб.

Историю H₂O как воплощения архетипической воды можно написать несколькими способами. Мой предмет - промышленная деградация воды, делающая это вещество сноупорным, неспособным служить материей нужных нам метафор. В данный момент я могу лишь утверждать, что "вода", в отличие от "H₂O", - это исторический конструкт, отражающий - и в хорошем и в плохом - текучую стихию души, и что связанная с H₂O вода социального воображения очень далека от воды, к которой мы стремимся в наших снах. Современная городская вода постоянно пересекает границы города: она приходит в город в качестве товара и уходит из него в виде сточных вод. Во всех индоевропейских мифах, напротив, сама вода есть граница. Она отделяет наш мир от другого мира; она отграничивает мир живущих сейчас людей от мира прошлого или от мира загробного. В многочисленном семействе ин-

доевропейских мифов у иного мира нет фиксированного положения на мысленной карте: он может быть расположен и под землей, и на вершине горы, и на острове, и на небесах, и в пещере. Но где бы иной мир ни находился, он всегда лежит по ту сторону какой-то водной преграды: иногда за океаном, иногда на другом берегу залива; иногда нужен паром, иногда брод. Но во всех мифах этот путь, ведущий через воду, уже в ином мире приводит к источнику, а этот загробный источник питается той самой рекой, которую пересек путник.

Брюс Линкольн показал, что в греческих, индийских, германских, кельтских повествованиях о паломничестве в загробный мир человек проходит через один и тот же унылый ландшафт, с общей для всех традиций гидрологией. Медленно текущие воды, через которые переправляется паломник, - это воды реки забвения. Тех, кто через нее переправляется, река лишает памяти. Сомнамбулическое битье по голове в треносе, которым плакальщицы убаюкивают фиванских героев в их последний сон, напоминает Эсхилу о монотонном битье веслами по Ахерону. Однако смытое рекой с переправляющихся в иной мир не исчезает: с путника совлекаются те деяния, по которым его будут помнить. Река уносит их к источнику, где они бурлят как песок на дне космического колодца, чтобы служить питьем для избранных: певца, сновидца, ясновидца, мудреца. Это питье приводит человека в трезвое опьянение - "sobriam ebrietatem". Посредством этих вестников, вернувшихся из своих снов или путешествий, ручеек живой воды из царства мертвых возвращает мертвым ту память, в которой они уже не нуждаются, но которая представляет огромную ценность для живых. Поэтому мертвые зависят от живых намного меньше, чем живые - от мертвых. Смытое Летой с их стоп бьющий ключом кладезь Мнемозины возвращает к жизни.

Когда Небо еще лежало в объятиях Земли, когда Уран еще делил ложе с "широкогрудой" Геей, на свет появились Титаны. В этом родившемся раньше богов поколении была и Мнемозина. Она слишком давняя, слишком архаичная богиня, чтобы быть матерью Аполлона, но она наделяет его, сына Майи, душой, которая всегда находит обратный путь к истоку, которая никогда не забывает. Таким образом, у Гермеса-Аполлона две матери, что, видимо, и превращает его в проводника и вестника богов. Гимн к Гермесу называет Мнемозину матерью Муз. Гесиод упоминает ее струящиеся волосы, описывая, как она возлегла с Зевсом, чтобы родить ему дочерей. Она сама есть озеро, в котором купается Муза Энтузиазма, то есть Божественной Одержимости, и другая ее дочь - Забвение. Появление Мнемозины среди Титанов, предшествующих богам, - ключевой эпизод в истории нашей воды. Оказавшись среди Титанов, космическая стихия становится источником памяти; кладезем культуры, родником первогорода - и вода как источник памяти приобретает женские черты.

Однако этому архаическому кладезю устной традиции не нашлось места в классических городах. Классические города Греции и, самое главное, Рима построены вокруг акведуков, подводящих воду в фонтаны. Не питающий озеро кладезь, не эпический певец, но рукотворные струи воды и письменные тексты, доверенные книге, формируют теперь потоки воды и слов. Ни один греческий город не сохранил алтаря или колодца, посвященного Мнемозине. Ее по-прежнему призывают ученые поэты, желающие приблизиться к Гомеру. Но Мнемозина перестала быть источником трезвого опьянения. Теперь ее имя - символ амбаров ученой памяти, которая, как понимал еще Платон, приведет к высыханию прежней памяти, то есть родника за

рекой забвения, то есть озера, питаемого этой пограничной рекой. Память, сестру Титанов и мать Гермеса, вытесняет новый вид памяти - точно так же, как письменная культура вытесняет устную, а законы - обычное право.

Переходя от кладезя к струе, от озера памяти к скульптурному фонтану, от эпической песни к памяти эрудита, вода как социальная метафора претерпевает первую глубокую трансформацию. Воды устной культуры, текущие за пределами нашего мира, превращаются в самый ценный вид провизии, которой правительство снабжает город. Если бы выдался случай, я написал бы историю форм и смыслов, которые меняющееся восприятие воды придавало городу. В такой истории фонтаны Рима, водопроводы Исфагани, каналы Венеции и Теночтитлана предстали бы редкими и вершинными творениями. Город, построенный вдоль реки, город, сооруженный вокруг колодца как некоего пупа, город, зависящий от дождевой воды, собираемой на крышах, стали бы идеальными типами в числе прочих. Однако, за редкими исключениями, все города, куда вода специально доставлялась издалека, до недавнего времени имели одну общую черту: все, что акведук приносит внутрь городской границы, поглощается городской почвой. Идея, что вода, по водопроводу доставленная в город, по канализационным трубам должна его покинуть, стала руководящим принципом для градостроительства лишь тогда, когда в обиход вошел паровой двигатель. И с тех пор эта идея приобрела черты неотвратимости - даже теперь, когда канализация нередко ведет на фабрику переработки. То, что производят и порождают эти фабрики, от воды сновидений стоит дальше, чем когда-либо. Потребность городов в непрерывной уборке и мойке окончательно навязала эту идею воображению планировщиков. Чтобы ослабить чары этого социального конструкта, я предлагаю вспомнить, как эти чары были напущены.

Сетования на городскую грязь начинают раздаваться еще в античности. Даже по Риму, с его девятью сотнями фонтанов, было опасно ходить. На краю форума под зонтиком сидели мелкие чиновники, в обязанности которых входило разбирательство по жалобам людей, пострадавших от вылитых из окон помоев. Средневековые города чистили свиньи. Сохранились десятки указов, регулирующих право бюргеров содержать свиней и кормить их общественными нечистотами. Вонь кожевенных мастерских служила эмблемой ада. Тем не менее можно точно установить период, когда в городе начали видеть место, которое необходимо дезодорировать постоянной уборкой, - это отношение появляется в раннем Возрождении. Возникшая в это время потребность скрести и отмывать прежде всего имеет в виду устранение незрительных уродств, а отвратительных запахов. Впервые город как таковой начинает восприниматься как дурно пахнущее место. Впервые формулируется утопия города без запахов. И насколько я могу судить, причина этой озабоченности городской вонью - скорее перемены в чувственном восприятии, нежели рост концентрации газов с характерным запахом.

История чувственного восприятия возникла не вчера, но лишь недавно некоторые историки начали обращать внимание на эволюцию обоняния. Первым указал на верховенство осязания, обоняния и слуха в европейской культуре до Нового времени Роберт Мандру в 1961 году. Это сложное и смутное переплетение трех чувств лишь постепенно сменилось тем "просвещенным" господством зрения, которое мы считаем самоочевидным. Припадая к губам возлюбленной, какой-нибудь Ронсар или

Раболе наибольшее наслаждение извлекает из их вкуса и запаха. Написать историю запахов - дело крайне трудное, но увлекательное: поскольку запахи не оставляют никаких "объективных" следов, историку остается изучать только их восприятие. В прошлом году Ален Корбен выпустил монографию, впервые излагающую перемены в восприятии запахов в конце "старого режима".

Мне традиционный запах города знаком по личному опыту. В течение двадцати лет я много времени проводил в трущобах Рио и Лимы, Карачи и Бенареса. Мне понадобилось много времени, чтобы преодолеть привитое с колыбели отвращение к запаху человеческого дерьма и мочи, который, с легкими национальными вариациями, заставляет все индустриальные города третьего мира пахнуть одинаково. Но то, к чему я в конце концов привык, - лишь слабое веяние по сравнению с густой атмосферой Парижа при Людовике XIV и Людовике XV. Лишь в последний год его царствования было издано распоряжение, сделавшее уборку фекалий из коридоров Версальского дворца еженедельной процедурой. Под окнами Министерства финансов десятилетия подряд забивали свиней, и стена дворца пропиталась кровью на несколько дюймов вглубь. Даже кожевники продолжали работать в черте города - правда, на берегу Сены. Было вполне в порядке вещей справлять нужду под стенами любого жилища или церкви. От неглубоких захоронений на городских кладбищах шел смрад. Эта атмосфера считалась настолько нормальной, что в сохранившихся источниках о ней почти не упоминается.

Обонятельному благодушию пришел конец, когда небольшая часть горожан утратила иммунитет к смраду из захоронений внутри церквей. Нет никаких свидетельств того, что со средних веков хоть как-то изменились сами процедуры захоронения тел у алтаря, однако в 1737 году парижский парламент назначил комиссию для выяснения опасности, которую представляют эти тела для общественного здоровья. Миазмы, идущие из могил, были объявлены вредными для живых. В течение десяти лет трактат аббата Шарля-Габриеля Поре, библиотекаря Фенелона, был переиздан несколько раз. В своей книге этот богослов доказывал, что и философские и юридические соображения требуют, чтобы мертвые покоились за чертой города. По мнению Филиппа Арьеса, новая обонятельная чувствительность к присутствию трупов возникла благодаря новому типу страха смерти. Начиная с середины XVIII века сообщения о том, как люди умерли от одного только трупного смрада, становятся регулярны. От Шотландии до Польши смрад разлагающихся тел вызывает не просто отвращение, а страх. Сохранились свидетельства якобы очевидцев того, как в течение часа после вскрытия могилы для нового захоронения от трупных миазмов умирали сотни прихожан. Если в 1760-е годы на кладбище Невинных днем приходили для пикников, а ночью - для любовных свиданий, то к 1780 году оно было закрыто по требованию публики из-за нестерпимого смрада разлагающихся тел.

Нетерпимость к вони фекалий развивалась гораздо медленнее, хотя первые жалобы на этот счет раздаются уже в 1740-е годы. Сначала внимание к этой теме привлекли филантропически настроенные ученые, изучавшие "воздухи" - сегодня мы сказали бы "газы". В то время инструменты для анализа летучих веществ были еще очень грубыми; еще не был открыт ни кислород, ни его роль в процессе горения и окисления. При анализе исследователям приходилось полагаться на собственный нос. Но это не помешало им издавать трактаты о городских "испарениях". Извест-

но около двух десятков таких брошюр и книг, вышедших с середины XVIII века до воцарения Наполеона. В этих трактатах обсуждаются семь пахучих точек человеческого тела, лежащих между теменем и пальцами на ногах; выделяются семь запахов разложения, сменяющих друг друга при гниении животных тел; неприятные запахи подразделяются на здоровые - например, человеческих и животных испражнений - и гнилостные и вредные; читателя учат уловлять запахи в склянку для последующего сопоставления и изучения их эволюции; оценивается вес испарений, приходящийся на одного городского жителя, и последствия их переноса - по воздуху - в городские окрестности. Озабоченность смрадными испарениями выражает почти исключительно узкая группа врачей, философов и журналистов. Почти каждый автор сетует на то, что широкая публика равнодушна к проблеме удаления этих "дурных воздуш" из города.

К концу века авангард дезодораторов уже может рассчитывать на поддержку небольшого, но влиятельного городского меньшинства. По нескольким причинам социальное отношение к телесным отходам начинает меняться. Аудиенции у короля, сидящего на стульчаке (*en selle*), были отменены уже два поколения назад. В середине века впервые сообщается, что на большом бале для женщин были устроены отдельные нужники. И наконец Мария-Антуанетта приказала навесить дверь, чтобы испражняться в уединении, тем самым превратив испражнение в приватную функцию.

Сперва сама процедура, а потом и ее результат были убраны от чужих глаз и от носа. В моду входят белье, которое можно часто стирать, и биде. Сон на простынях и в отдельной постели получает теперь моральное и медицинское обоснование. Вскоре стали запрещать тяжелые одеяла, поскольку они задерживают пары организма и ведут к поллюциям. Медики обнаружили, что запах больного заражает здоровых, и отдельная больничная койка сделалась если и не нормой, то идеалом. Затем, 15 ноября 1793 года, революционный Конвент в числе прочих прав человека торжественно провозгласил право каждого на отдельную постель. Личное пространство в постели, на стульчаке и в могиле становится частью полноценного гражданского статуса. Создаются благотворительные общества с целью избавить бедняков хотя бы от одного из новых ужасов - захоронения в общей могиле.

Одновременно с новым гигиеническим воспитанием буржуазии социальная гигиена самого города стала главной урбанистической проблемой. С начала XVIII века тюрьмы и скорбные дома, с их особенно нездоровыми условиями, стали во многих странах предметом внимания. По сравнению с тамошней грязью сам город казался чистым. Высокую смертность в тюрьмах возводят к тамошней вони, ощутимой даже на расстоянии. Изобретают вентилятор и устанавливают несколько первых моделей, чтобы подавать свежий воздух - по крайней мере, туда, где содержались невинные узники. "Проветривание" заключенных представлялось необходимым, но его было трудно организовать. Поэтому несколько городов от Швейцарии до Бельгии перенимают идею города Берна - сочетать удаление экскрементов и проветривание заключенных с помощью новой машины. Это была телега, которую тянули закованные мужчины и к которой женщины были прикованы более тонкими и длинными цепями, позволявшими им свободно двигаться по мостовой, убирая нечистоты и мертвых животных. Город уподобляют организму - и у того, и у другого

есть свои пахучие точки. Запах начинает восприниматься как признак социального класса. Бедняки - это те, кто пахнет, часто даже не сознавая этого. Осмология - изучение запахов - пытается утвердиться в качестве независимой научной дисциплины. Проводятся эксперименты, якобы доказывающие, что дикари пахнут иначе, чем европейцы. Самоеды, негры, готтентоты - все они отличаются специфическим запахом, не зависящим ни от того, чем они питаются, ни от того, сколько они моются.

С этого времени хорошее воспитание - это прежде всего опрятность: ни сам человек, ни его дом не должны пахнуть. К началу XIX века женщины обзаводятся собственным индивидуальным ароматом. Этот идеал возник в последние годы "старого режима", когда сильные и традиционные ароматы на животной основе - серая амбра, мускус, цибетин - сменились туалетной водой и растительными маслами. (Понятная у выскочки любовь Наполеона к старой традиции привела к краткосрочному возврату дорогих животных жиров из гениталий грызунов; но к эпохе Наполеона III их употребление сделалось признаком распутства.) Теперь дама из общества тешила свой нюх растительными ароматами - они обладают намного большей летучестью, чем животные, и поэтому их нужно часто возобновлять, они пропитывают домашнюю обстановку и становятся знаком показного потребления. Теперь Эмиль Руссо узнает, что "благоухание не столько дает, сколько сулит". Раздельные, с зеркальными стенами, кабинеты - один для крана, другой для сточной раковины, - которые в 1750 году, к замешательству французов, привезла из Англии оперная певица мадемуазель Дешан, два поколения спустя стали частью богатого обихода. И пока богачи слегка душились растительными маслами, а не такие богатые все усерднее мылись и учились оставлять башмаки за дверью, главной задачей медицинской политики стало дезодорирование бедного большинства.

В первой половине XIX века англичане уже начали мыть свои города - и загрязнять Темзу. Во Франции и вообще на континенте общественное мнение еще не готово к такому расточительству. Французский Институт в докладе от 1835 года отвергает предложение сливать парижские экскременты в Сену. За этим решением стояла не забота о реке и не предубеждение против английских выдумок, а оценка огромных экономических потерь. Даже двадцать лет спустя редакторы "Журнала медицинской химии" ссылаются на Мальтуса и социальную физиологию, чтобы доказать, что канализация экскрементов - преступление против общества. Ранее предлагалось выплачивать пенсии по старости только тем горожанам, кто будет ежедневно собирать удобрения. С появлением железных дорог возникла надежда, что с их помощью город станет удобрять сельские окрестности, превращая их в цветущий сад.

К 1860-м годам две национальные идеологии относительно ценности сточных труб противостояли друг другу через Ла-Манш. Французскую позицию облек в превосходную литературную форму Виктор Гюго. После восклицания Камбронна *"la merde"* (дерьмо) считалось чем-то очень французским и очень коммерчески ценным. В "Отверженных" оно питает "утробу Левиафана". Спору нет, пишет Гюго, парижская клоака последние десять веков была язвой города, но *"Legout est le vice que la ville a dans le sang"* (клоака - это порок, который у города в крови). Всякая попытка сливать больше нечистот в подземную сеть только увеличила бы и без того невероятные ужасы городской клоаки. Кто хочет жить в городе, должен смириться с его смрадом.

Противоположную позицию - с верой в высокую ценность канализации и низкую ценность экскрементов - занял в 1871 году принц Уэльский, будущий король Эдуард VII. Если бы я не был принцем, сказал он, я бы хотел стать слесарем. Приблизительно в то же время Хеллинджер убеждал своих коллег по Королевскому обществу искусств: "В ваших сильных руках лежит, на ваших крепких мышцах сладко дремлет, в ваших умелых пальцах покоится здоровье этого Левиафана среди городов!" Этому английскому взгляду дает французскую литературную форму Жюль Верн в своем романе: "Чистить, непрестанно чистить, уничтожать миазмы сразу, как они возникнут от человеческого скопления, - вот главная и первоочередная задача центральных правительств". Пот трудящихся классов был опасен, если он пах.

Чтобы дезодорировать Лондон, английские архитекторы предложили использовать воду. Еще в 1596 году сэр Джон Харрингтон, крестник королевы Елизаветы I, изобрел ватерклозет и издал трактат "Метаморфоза Аякса"², но для большинства это устройство оставалось лишь забавной диковиной. Затем в 1851 году Джордж Дженнингс устроил общественные ватерклозеты в Хрустальном дворце на Всемирной выставке, и 827 280 человек, то есть 14 % всех посетителей, их опробовали и заплатили за их использование. Это "удобство, соответствующее высокой ступени нашей цивилизации", усовершенствовал некий мистер Крэппер, владелец литейной мастерской. Предохранительный клапан смыва - "anus mirabilis" (чудесный анус) - был запатентован в Англии, и с тех пор английское слово "ватерклозет" стало неотъемлемой частью всех культурных языков. Согласно отчету правительства США, Балтимор был последним городом в северо-восточных штатах, производившим удобрения "естественным образом" и перешедшим на обязательный смыв только в 1912 году.

К концу XIX века бактерии фекального происхождения начали просачиваться в водопровод. Инженеры оказались перед выбором: пустить ограниченные экономические и организационные ресурсы на очистку сточных вод или на фильтрацию водоснабжения. В первой половине века акцент делался на стерилизации воды. Незадолго перед тем прежняя теория грязи, объяснявшая болезнь как результат порчи внутри организма, сменилась новой бактериальной теорией, согласно которой организму постоянно угрожают вторжения микробов. Горожане требовали прежде всего подачи "питьевой воды без микробов" в домашние краны. Позже, к середине века, то, что течет из крана, из жидкости без запаха превратилось в жидкость, которую не всякий решался пить. Трансформация H₂O в чистящую жидкость завершилась. Общество могло обратиться к "очищению" канализации и спасению озер. В США сбор и переработка нечистот и отходов к 1980 году стала самой большой расходной статьей местного самоуправления. Больше стоили только школы.

Я думаю, что архаическим грекам с помощью ритуальных омовений обычно удавалось устранить скверну. Наша попытка отмыть город от дурных запахов, очевидно, провалилась. Я ночевал в Далласе в шикарном клубе: флаконы с ватными тампонами распространяли парализующий обонятельные нервы мощный анестетик, маскируя неудачу самого дорогого водопровода, какой можно купить за деньги. Дезодорант заглушает обоняние своего рода "розовым шумом". Наши города стали местом исторически беспрецедентной вони. И мы стали так же нечувствительны к этому загрязнению, как парижане в начале XVIII века - к трупам и экскрементам.

Мы рассмотрели воды истории от архаической Греции до экологического водопровода. Мы взглянули на римские фонтаны, смывшие сестру титанов Мнемозину из сознания города словесности и заселившие его классическими нимфами. И мы взглянули на водные сооружения, убиравшие H₂O с глаз долой. Мы прослушали импровизации журчащих родников, продуманную симфонию фонтана Треви, а затем - гудение труб, капель кранов и ниагару смыва. Мы поняли, что у городской воды в западной культуре есть начало и, соответственно, может быть и конец. Она рождается, когда художник приручает каждый поток римской воды к жизни в особом фонтане, где она нашептывала свою неповторимую историю грезящим горожанам, и она оказывается под угрозой, когда всасывающие ротеры станций превращают ее в очиститель и охладитель, часть которого можно отвести в искусственное озеро. Перед нами встает вопрос о совместимости богатства и сновидений.

Теперь, оглянувшись на воды, которые текли по городам, мы можем понять их важность для сновидений. Лишь там, где в общинных водах отражались сновидения, города могли избавляться от своего хлама. Лишь воды, изобилующие нимфами и воспоминаниями, способны сочетать архетипическую и историческую стороны сновидений. В этом смысле H₂O - не вода. H₂O - это жидкость, лишенная как своего космического смысла, так и своего гения места. Для снов она непроницаема. Городская вода растлила провизию снов.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Иван Иллич
H₂O и воды забвения
1985

<http://index.org.ru/journal/12/illich.html>
Перевод с английского Григория Дашевского.

ru.theanarchistlibrary.org